

А. К.

И. А. Ильин. О сопротивлении злу силой

Интересной книге талантливого философа не повезло. Отдельные главы из прочитанных проф. Ильиным во всех столицах русской эмиграции и появившиеся затем в печати (в газете «Возрождение») вызвали в свое время шумную и озлобленную полемику, исчерпавшую, по-видимому, интерес к затронутой им теме. Впрочем, полемику вызывали, по-видимому, не сами тезисы и положения автора, а то политическое, конкретное их истолкование и применение, в котором отчасти, конечно, повинен и сам автор, отчасти же — и едва ли не в большей мере — его политические единомышленники и противники.

А между тем поставленный проф. Ильиным вопрос о «сопротивлении злу», об активной борьбе со злом является кардинальной проблемой как этики, так и философии права, а пожалуй, и философии религии, и конечно, ответ на него в равной мере обязателен как для монархиста, так и для демократа. Вдобавок и связь между определенным решением, даваемым Ильиным, и его политическими воззрениями является, по моему мнению, вполне случайной.

Я не знаю, согласится ли со мной в данном случае проф. Ильин, но это не важно. Ибо если он и не согласится, то это будет только лишним доказательством того, что политическая и философская позиции проф. Ильина не связаны между собою неразрывной цепью логических умозаключений и что абсолютные принципы допускают всевозможные конкретные применения.

Но оставим применения — им же несть числа — и вернемся к единственно нас интересующему философскому вопросу: можно или нет активно бороться со злом, можно или нет в этой

борьбе причинять другому страдание, даже смерть? И если можно, а может быть, и должно, то как совместить подобный долг с христианской заповедью любви? И не следует ли, наоборот, отвергнуть как недопустимый, как греховный подобного рода «долг» и вместе с Толстым признать единственно законной с христианской точки зрения позицию последовательного непротивленчества.

Конечно, практически вопрос решен. Конечно, практически, пожалуй, и не нужно было вновь подвергать уничтожающей критике толстовское непротивленчество, давно уже не играющее почти никакой роли в русской духовной жизни, давно уже вдобавок подвергнутое уничтожающей критике Вл. Соловьевым.

Но это практически! А в теории и до сих пор еще господствуют грубо-прагматические и глубоко лицемерные учения о наказании-устрашении, наказании-исправлении и наказании-искуплении. Да и на практике толстовство как таковое, конечно, мертво, но разве не выразителями родственных толстовству настроений являются современные пацифисты и *conscions objecters*?¹

И как на самом деле совместить признание абсолютной ценности человеческой личности с необходимостью уничтожения — по крайней мере, в ее земном явлении — этой самой личности? Не помогает и лицемерная ссылка на евангельский текст: «Блажен да кто душу (жизнь, как обычно толкуют) положит за други своя». Ведь в том-то и дело, что *не свою* душу, а *чужую* приходится класть для други «своя».

Чрезвычайно ценной является в книге Ильина глубокая, действительно уничтожающая критика индивидуалистического эгоизма-нейтрализма (этой последней основы всякого непротивленчества), заботящегося только о *своем личном* спасении, пытающегося отвергнуть основанную на общечеловеческой солидарности ответственность каждого за все совершающееся, хотя бы и не им совершенное. И во всей своей трагической безысходности выявляется Ильиным страшная дилемма: или *греховное попустительство* творящемуся злу — или, *тоже греховная*, активная борьба с ним. И как бы мы ни относились к авторитетности — признаваемой проф. Ильиным — фактически данных, по его мнению, Архангелом Михаилом, Ослябей и Пересветом, Христолюбивым Воинством и Добровольческой армией решений, — нельзя не отметить оригинальность и силу даваемого самим Ильиным на основе необычно тонкого, глубокого анализа двойственного характера акта любви (любви положи-

---

тельной, утверждающей; и отрицательной, испепеляющей) решения — толкования приведенного нами Евангельского текста: *греховный* сам по себе акт может быть в то же время *долгом*, не теряя при этом характера греха и не переставая из-за греховности быть долгом.

